

Актуальные вопросы возникновения обязательства по компенсации морального вреда через призму правоприменительной практики

Сергей Константинович Соломин[✉], Наталья Геннадьевна Соломина

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: s.k.solomin@utmn.ru[✉]

Аннотация. В статье обозначены наиболее проблемные на сегодняшний день вопросы, связанные с компенсацией морального вреда, которые образовались под воздействием сформировавшейся судебной практики. Отталкиваясь от постановки и решения общей проблемы соотношения института компенсации морального вреда с институтом возмещения вреда, авторы статьи дают критическую оценку ряду устоявшихся в судебной практике подходов, затрагивающих стадию возникновения обязательства по компенсации морального вреда. Методологическую основу исследования составили такие специальные юридические методы, как формально-юридический метод и метод правового моделирования. Результатом проведенного исследования выступает ключевой вывод о том, что отношения по компенсации морального вреда являются самостоятельными; их правовое регулирование осуществляется автономно от отношений, связанных с возмещением имущественного вреда. Вместе с тем авторы не исключают связи механизма компенсации морального вреда с механизмом возмещения имущественного вреда. Эта связь проявляется в возможности применения общих положений о возмещении вреда к отношениям по компенсации морального вреда в субсидиарном порядке, но лишь в тех случаях, когда в основе возникновения права на обращение в суд с требованием компенсации морального вреда лежит поведенческий акт, который стал причиной возникновения деликтного обязательства.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, деликтное обязательство, нематериальные блага, личные неимущественные права, нравственные страдания, физические страдания, возмещение вреда

Цитирование: Соломин С. К., Соломина Н. Г. 2024. Актуальные вопросы возникновения обязательства по компенсации морального вреда через призму правоприменительной практики // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 10. № 2 (38). С. 83–97. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-2-83-97>

Поступила 17.04.2024; одобрена 07.05.2024; принята 08.07.2024

Topical issues regarding the emergence of the obligation to compensate moral damage through the lens of law enforcement practice

Sergey K. Solomin[✉], Natalia G. Solomina

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: s.k.solomin@utmn.ru[✉]

Abstract. The article identifies the most problematic issues of today compensation of moral damage, which have been formed under the influence of the established judicial practice. Based on the formulation and resolution of the general problem of the correlation between the institution of moral damage compensation and the institution of damage compensation, the authors of the article provide a critical assessment of a number of approaches established in judicial practice, effecting the stage of the emergence of the obligation to compensate moral damage. The methodological basis of the study was composed of such special legal methods as the formal legal method and the method of legal modeling. The key conclusion of the study that the relations on compensation of moral damage are independent; their legal regulation is carried out autonomously from the relations associated with the compensation of property damage. At the same time, the authors do not exclude the connection between the mechanism of compensation for moral damage and the mechanism of compensation for property damage. This connection is manifested in the possibility of applying the general provisions on compensation for damage to relations on compensation for moral damage in a subsidiary order, but only in cases, where the basis for the emergence of the right to apply to the court with a claim for compensation for moral damage is a behavioral act that became the cause of the emergence of a tort obligation.

Keywords: compensation for moral damage, tort obligation, intangible benefits, personal non-property rights, moral suffering, physical suffering, damage compensation

Citation: Solomin, S. K., & Solomina, N. G. (2024). Topical issues regarding the emergence of the obligation to compensate moral damage through the lens of law enforcement practice. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 10(2), 83–97. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-2-83-97>

Received Apr. 17, 2024; Reviewed May 7, 2024; Accepted Jul. 8, 2024

Введение

Состояние отечественной правоприменительной практики в вопросах компенсации морального вреда характеризуется крайней противоречивостью: она формируется под воздействием руководящих разъяснений высших судебных органов, порой игнорирующих содержание норм позитивного права и, что самое главное, сущностные особенности тех отношений, которые обусловили формирование этих правовых норм в правовой надстройке. Подтверждение тому — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [Постановление Пленума ВС РФ № 33, 2022] (далее — Постановление № 33). Данным постановлением Верховный Суд РФ подвел черту многолетней практике применения норм о компенсации морального вреда. При этом ряд разъяснений, составляющих его содержание, далеко не всегда связаны с толкованием норм, применение которых в практической деятельности судов вызывал разночтения. Речь идет о тех разъяснениях, которые затрагивают концептуальные вопросы гражданского права, связанные с уяснением существа личных нематериальных прав граждан и их защитой от посягательства на нематериальные блага посредством применения такого способа защиты гражданских прав, как требование компенсации морального вреда. В указанном постановлении Верховный Суд РФ формирует «новое» учение о компенсации морального вреда. В этой связи перед наукой гражданского права встает первостепенная задача оценки позиции высшего судебного органа на предмет ее достоверности и соответствия положениям цивилистической доктрины.

Методы

Методологическую основу исследования составили такие специальные юридические методы, как формально-юридический метод и метод правового моделирования.

Результаты и обсуждение

Для того чтобы осознать весь масштаб противоречивости сложившейся правоприменительной практики по вопросам компенсации морального вреда, обратимся для начала к вопросу о соотношении двух правовых институтов — института возмещения вреда и института компенсации морального вреда.

Данные правовые институты по отношению друг к другу являются самодостаточными. Их формирование в правовой надстройке обусловлено характером соответствующих имущественных отношений. Специфика этих отношений воспринимается

благодаря объективизации институциональных принципов, пронизывающих нормы, которые образуют содержание сравниваемых правовых институтов. Так, если институт возмещения вреда основан на принципе полного возмещения причиненного вреда, то институт компенсации морального вреда — на принципе сглаживания причиненных нравственных и физических страданий. Понять разницу между обозначенными принципами значит осознать, что моральный вред не является тем, что закон называет «вред, причиненный личности гражданина», или «вред, причиненный имуществу физических и юридических лиц».

Любой причиненный вред (будь то вред, причиненный личности гражданина, или вред, причиненный имуществу физических и юридических лиц) — это вред имущественный. Факт причинения такого вреда не требует доказывания: он либо есть, либо его нет. И если он есть — значит, он может быть оценен. Все способы оценки причиненного вреда направлены на то, чтобы итоговая сумма такой оценки покрыла имущественные потери потерпевшей стороны в полном объеме.

Оценка вреда, причиненного имуществу потерпевшего, не вызывает сложностей. Здесь имущество либо повреждается (а следовательно, уменьшается его стоимость), либо уничтожается, либо повреждается таким образом, что его дальнейшее использование становится невозможным. В указанных случаях для цели возмещения вреда законодатель предлагает либо возместить вред в натуре (причинитель вреда предоставляет потерпевшему вещь, аналогичную утраченной), либо возместить его в стоимостном эквиваленте по правилам о возмещении убытков.

В тех случаях, когда вред причиняется личности гражданина, указанные способы возмещения вреда не работают. Способ возмещения вреда в данном случае будет зависеть от характера вреда, причиненного личности гражданина. Это может быть вред, причиненный повреждением здоровья, или вред, причиненный в результате смерти кормильца. В первом случае размер подлежащего возмещению вреда соотносится с денежной суммой, необходимой для восстановления здоровья гражданина, а при невозможности такого восстановления — с денежной суммой, позволяющей поддерживать здоровье человека в определенном состоянии, а также компенсировать ему имущественные потери, связанные с утратой трудоспособности. Во втором случае размер подлежащего возмещению вреда соотносится с денежной суммой, покрывающей размер содержания гражданина, которое он получал или имел право получать от погибшего при его жизни.

Таким образом, при возмещении имущественного вреда судейскому усмотрению придается значение исключительно на стадии оценки размера вреда, подлежащего возмещению. Сам же факт наличия причиненного вреда находится за пределами судейского усмотрения. Иначе обстоит дело, когда ставится вопрос о компенсации морального вреда. Здесь в первую очередь необходимо будет доказать, что потерпевший в принципе испытал нравственные или физические страдания, и только потом приступать к их оценке. Именно поэтому решение данного вопроса является исключительной прерогативой суда, который, убедившись в наличии нравственных и физических страданий потерпевшего, принимает решение о размере той денежной суммы, которая, по его мнению, способна сгладить эти страдания. Иначе говоря, при расчете размера компенсации суд

не ставит перед собой цели полного возмещения морального вреда. Такой цели (в силу нематериальности данного вида вреда) в принципе не может быть. Кроме того, за счет денег нельзя восстановить душевное равновесие человека, в котором он прибывал до момента посягательства на принадлежащее ему нематериальное благо (т. е. нельзя погасить нравственные страдания); никакие деньги не способны избавить человека от болевых ощущений (физических страданий). Поэтому при определении размера компенсации морального вреда суд руководствуется специфическим инструментарием, учитывающим психоэмоциональное состояние человека.

Учитывая, что не каждый человек (прежде всего, в силу своего характера) способен монетизировать испытанные им страдания, сам факт обращения гражданина в суд с требованием компенсации морального вреда говорит о многом: потерпевший допускает, что некоторая денежная сумма способна отвлечь его от нравственных и/или физических страданий. Соответственно, суду остается лишь удостовериться, что гражданин действительно испытал такие страдания, и, руководствуясь требованиями разумности и справедливости, назначить денежную компенсацию, размер которой способен отвлечь этого гражданина от его страданий, что в конечном счете должно привести к эффекту их сглаживания. Для некоторых граждан получение определенной суммы денег, которую они при иных обстоятельствах никогда бы не получили, выступает «лекарством» от их психоэмоционального недуга. Правда, при наличии физических страданий ожидание присуждения судом в пользу потерпевшего некоторой суммы денег, скорее всего, воспринимается последним в качестве справедливой платы за испытываемые страдания. Что касается компенсации морального вреда малолетним лицам, а также гражданам, признанным недееспособными, присуждение в их пользу справедливого размера компенсации, скорее всего, связано с ожиданиями законных представителей получить дополнительные средства, которые они могут использовать в интересах своих подопечных. Вместе с тем вряд ли суд при определении размера компенсации в подобных ситуациях должен руководствоваться ожиданиями законных представителей, поскольку компенсацию морального вреда недопустимо рассматривать в качестве «бонусов» к назначенному размеру возмещения имущественного вреда. В руках правоприменителя должен быть совсем иной инструментарий стоимостной оценки нравственных и физических страданий подопечного (в частности, при определении нравственных страданий несовершеннолетнего суд должен учитывать его возраст).

Учитывая обозначенные особенности сравниваемых правовых институтов, любая попытка поместить правовой механизм компенсации морального вреда под «крышу» «обязательства из причинения вреда» («деликтного обязательства»), является несостоятельной, что, тем не менее, не исключает связи между данными правовыми институтами. Эту связь учитывал и законодатель, когда в структуру гл. 59 ГК РФ включал § 4 «Компенсация морального вреда». Законодатель, по-видимому, исходил из того, что при причинении вреда личности гражданина всегда имеет место и посягательство на то или иное его нематериальное благо. Возможно, законодателю следовало бы все положения о компенсации морального вреда поместить в гл. 8 ГК РФ. Но, так или иначе, это не умаляет самостоятельности института компенсации морального вреда по отношению к институту возмещения

вреда. При этом важно понимать, что обязательство по компенсации морального вреда представляет собой отдельный (самостоятельный) вид охранительного обязательства, наряду с деликтным обязательством, а значит, применение общих положений о возмещении вреда (§ 1 гл. 59 ГК РФ) к отношениям по компенсации морального вреда возможно только в субсидиарном порядке и лишь в тех случаях, когда в основе возникновения права на обращение в суд с требованием компенсации морального вреда лежит тот поведенческий акт, который стал причиной возникновения деликтного обязательства.

К сожалению, правоприменительная практика не учитывает обозначенные выше отличительные особенности института возмещения вреда и института компенсации морального вреда, а также существо отношений, подпадающих под действие их норм. Так, в Постановлении № 33 правила о деликтах (без каких-либо поправок на их применение в субсидиарном порядке) как калька накладываются на отношения по компенсации морального вреда. В итоге наиболее принципиальные решения правоприменителя выглядят неубедительными не только с позиции учения об охранительных обязательствах, но и с точки зрения состояния позитивного права. А ведь прежде, чем руководствоваться правилами о деликтах при разрешении вопросов, связанных с компенсацией морального вреда, правоприменителю следовало бы сначала установить пределы их применения к обозначенной сфере отношений.

Заметим, что с принятием Постановления № 33 оживилась и научная дискуссия вокруг вопросов, нашедших ответы в содержании данного постановления. При этом некоторая часть исследователей уже не смогла отказаться от навязанной правоприменителем мысли о том, что исполнение обязанности компенсации морального вреда подчинено действию принципа генерального деликта [Губаева и др., 2023, с. 260], что, естественно, отразилось на достоверности их исследований.

Обозначим наиболее проблемные на сегодняшний день вопросы в учении о компенсации морального вреда, которые образовались под воздействием сформировавшейся судебной практики.

1. По мнению правоприменителя, обязанность компенсации морального вреда может быть возложена судом на причинителя вреда при наличии предусмотренных законом оснований и условий применения данной меры гражданско-правовой ответственности, а именно: физических или нравственных страданий потерпевшего; неправомерных действий (бездействия) причинителя вреда; причинной связи между неправомерными действиями (бездействием) и моральным вредом; вины причинителя вреда (абз. 1 п. 12 Постановления № 33).

Несмотря на то, что правоприменитель четко не разграничивает основание и условия возложения обязанности компенсации морального вреда, изложив их общим списком, сделать это несложно, поскольку представленный в абз. 1 п. 12 Постановления № 33 подход согласуется с одним из существующих в цивилистической доктрине подходом к определению основания и условий несения деликтной ответственности, когда в качестве основания возникновения такой ответственности называют наличие вреда, а к условиям ее возникновения относят противоправность, причинную связь между поведением причинителя вреда и наступившим вредом, а также вину причинителя вреда.

Естественно, это не единственный подход к пониманию основания и условий деликтной ответственности. На наш взгляд, следует различать общее условие возникновения деликтной обязанности (к которому мы относим причинно-следственную связь между действием причинителя вреда и возникшим вредом) и специальные условия, характеризующие особенности возникновения отдельных видов деликтных обязательств [Соломин, Соломина, 2022, с. 137–142]. Но, так или иначе, в отношении определения основания возложения деликтной ответственности мы единодушны. Таким основанием выступает причиненный вред. Иначе говоря, никакого другого юридического факта, кроме причиненного вреда, для осознания того, что лицо может претендовать на восстановление своего имущественного положения, не требуется.

Дело в том, что факт причинения вреда, независимо от формы его проявления, всегда очевиден (и для потерпевшего, и для причинителя), что исключает спор о том, а был ли причинен вред в принципе. Так, если одно лицо ударом палки разбило стекло автомобиля, принадлежащего другому лицу, факт причинения вреда (выбитое стекло) является объективным обстоятельством. Факт причинения морального вреда (в силу его нематериальности) свойством объективности не характеризуется, а следовательно, правила деликтного права здесь не работают.

Изложенное имеет важное значение: чтобы установить факт претерпевания нравственных или физических страданий, требуется оценка независимого лица лишь потому, что для потерпевшего такие страдания являются очевидными, а для всех остальных (в том числе и правонарушителя) — нет. Таким независимым лицом с точки зрения закона (ч. 1 ст. 151 ГК РФ) является только суд, а значит, только его решение способно породить последствия, связанные с возложением обязанности компенсации морального вреда. Иначе говоря, основанием возникновения обязательства по компенсации морального вреда выступает исключительно решение суда.

Что касается условий возложения обязанности компенсации морального вреда, то таковые зависят от характера поведения правонарушителя. Так, если имеет место действие, непосредственно нарушающее личное неимущественное право гражданина вследствие посягательства на его нематериальное благо (честь, достоинство, деловую репутацию), то в этом случае условиями возложения обязанности компенсации морального вреда будут являться: противоправное действие; наличие нарушенного личного неимущественного права (объектом которого выступает нематериальное благо); причинно-следственная связь между противоправным действием и нарушенным правом; наличие нравственных и/или физических страданий. При этом нравственные и физические страдания (при условии, что суд установит их наличие) выступают результатом нарушенного личного неимущественного права, а не противоправного поведения, как указывает правоприменитель в п. 18 Постановления № 33.

В тех же случаях, когда вопрос о компенсации морального вреда поднимается в связи с причинением вреда личности гражданина, обязательство по компенсации морального вреда является производным от деликтного обязательства, поскольку не может возникнуть в отсутствие последнего. Соответственно, вопрос об удовлетворении требования компенсации морального вреда может возникнуть только при наличии деликтного обязательства

(обязательства, возникшего в результате причинения вреда личности гражданина) и отсутствии оснований, освобождающих причинителя вреда от обязанности его возмещения [Соломин, Соломина, 2024, с. 140]. При этом суду не требуется устанавливать действие, которым было нарушено личное неимущественное право в результате посягательства на нематериальное благо. Здесь значение будет иметь сам факт наличия имущественного вреда, причиненного личности гражданина. Соответственно, работает модель правовой фикции, когда наличие одного факта (наличие имущественного вреда) подразумевает наличие другого (нарушенного личного неимущественного права). Правда, данная модель фикции еще не означает, что потерпевший испытал нравственные и физические страдания. Наличие последних еще следует установить. Таким образом, условиями возложения обязанности компенсации морального вреда при причинении вреда личности гражданина будут являться: факт причинения вреда личности гражданина (при условии, что возникшее деликтное обязательство не погашено обстоятельствами, исключающими ответственность причинителя вреда); наличие нравственных и/или физических страданий.

2. К сожалению, обозначенные выше особенности определения основания и условий возникновения обязательства по компенсации морального вреда полностью проигнорированы Верховным Судом РФ в содержании Постановления № 33, что в итоге позволило ему заключить: причинитель вреда может добровольно предоставить потерпевшему компенсацию морального вреда, причем как в денежной, так и в иной форме (абз. 2 п. 24 Постановления № 33). Отсюда следуют два ключевых вывода: во-первых, Верховный Суд РФ допускает возможность возмещения морального вреда в добровольном порядке; во-вторых, денежная форма компенсации морального вреда им не рассматривается в качестве исключительной.

Для нас очевидно, что изложенная позиция вступает в прямое противоречие с положением ч. 1 ст. 151 ГК РФ. Но что делать, если правонарушитель и потерпевшая сторона все-таки достигли соглашения, по которому первый возложил на себя обязанность уплатить денежные средства с целью сгладить нравственные и/или физические страдания последнего? Кстати, такая практика на сегодняшний день уже имеется [Определение Четв. кассационного суда общ. юрисд. № 88–25303/2023, 2023]. Никакого порока в такого рода соглашении мы не видим, но ни о какой добровольной компенсации морального вреда здесь речи идти не может. Квалификация достигнутого между потерпевшим и правонарушителем соглашения зависит от характера поведения последнего.

Так, если обязанность компенсации морального вреда возложил на себя причинитель имущественного вреда (т. е. сторона деликтного обязательства), то исполнение такой обязанности является ничем иным, как предоставлением денежной компенсации сверх размера возмещения причиненного личности вреда, в основе которого лежит соглашение сторон (абз. 3 п. 1 ст. 1064 ГК РФ). Несмотря на то, что законодатель не дает оценку такому соглашению с точки зрения его цели, не вызывает сомнений, что перед нами частный случай договора дарения, целью которого выступает одаривание — безвозмездная передача в собственность одаряемого определенной денежной суммы. Такой договор дарения не обладает какими-либо специфическими признаками, поскольку та цель, которую преследует причинитель вреда (желание компенсировать

сверх возмещения причиненного вреда), для квалификации данного договора не имеет значения: желание причинителя вреда предоставить денежную компенсацию потерпевшему (поскольку он решил, что размер возмещения вреда является недостаточным) с точки зрения общего учения о договоре является ничем иным, как мотивом совершения дарения, а мотив, как известно, на квалификацию договора влияния не оказывает. Из изложенного следует еще один важный вывод: добровольная (т. е. основанная на соглашении) компенсация сверх возмещения вреда вообще никак не связана с нарушением личного неимущественного права потерпевшего.

В качестве договора дарения подлежит квалификации и соглашение, по которому обязанность денежной компенсации взяло на себя лицо, нарушившее своим действием личное неимущественное право потерпевшего в результате посягательства на принадлежащее ему нематериальное благо (например, распространило недостоверные порочащие гражданина сведения). Но в отличие от предыдущей ситуации, мотив совершения дарения будет иным, а именно — желание сгладить нравственные и/или физические страдания потерпевшего.

Теперь что касается «неденежной» компенсации морального вреда. Правоприменитель допускает такие варианты компенсации морального вреда, как: уход за потерпевшим; предоставление в собственность транспортного средства, бытовой техники; оказание какой-либо услуги; выполнение работы как самим причинителем вреда, так и иными лицами, но за его счет. Главное, чтобы такое имущественное предоставление было направлено на сглаживание (смягчение) физических и нравственных страданий потерпевшего. Однако, перед нами вновь лишь мотив имущественного представления. Целью же подобных соглашений является безвозмездная передача имущества в собственность, безвозмездное оказание услуг и безвозмездное выполнение работ. Если первая цель характеризует договор дарения, то остальные соотносятся с существом непоименованных в законе договоров — договором безвозмездного оказания услуг и договором безвозмездного выполнения работ [Соломин, Соломина, 2018, с. 287–293].

Таким образом, соглашение сторон (потерпевшего и правонарушителя), предметом которого выступает «добровольное предоставление потерпевшему компенсации морального вреда», не может погасить право потерпевшего на компенсацию морального вреда. Желание правонарушителя добровольно (т. е. по соглашению сторон) предоставить компенсацию, способную сгладить нравственные и/или физические страдания, выступает лишь мотивом, побуждающим правонарушителя к совершению безвозмездного договора, а не его целью. Целью такого договора (в зависимости от выбранного сторонами предмета компенсации) является безвозмездное отчуждение имущества, удовлетворение индивидуальных запросов потерпевшего за счет безвозмездного выполнения работ или оказания услуг.

Направленность действия на сглаживание нравственных и/или физических страданий способна трансформироваться из мотива в цель компенсации в тех случаях, когда вопрос о компенсации морального вреда решается в судебном порядке. Только суд способен установить факт наличия нравственных и/или физических страданий посредством оценки предоставленных потерпевшей стороной доказательств. Здесь нет места презумпции

наличия таких страданий и, тем более, установки о том, что наличие нравственных или физических страданий при определенных обстоятельствах воспринимается как само собой разумеющееся. В этой связи крайне противоречивой выглядит позиция Верховного Суда РФ, согласно которой факт причинения морального вреда не требует доказательства, в частности, при нарушении прав потребителей и преступлениях против собственности (п. п. 16, 17 Постановления № 33).

3. Правоприменительная практика последних лет свидетельствует о том, что граждане, заявляющие требования о компенсации морального вреда, не ограничивают себя в размере запрашиваемых сумм. Последние могут исчисляться миллионами рублей [Опред-ние Четв. кассац. суда общ. юрисд. № 88–17847/2023, 2023; опред-ние Четв. кассац. суда общ. юрисд. № 88–18964/2023, 2023]. Поэтому суды, если и усматривают наличие нравственных и/или физических страданий таких граждан, то, как правило, удовлетворяют их требования лишь в определенной части. Правда, и в этих случаях размер присуждаемой к выплате компенсации порой достигает значительных сумм [Опред-ние ВС РФ № 13–КГ21-3-К2, 2021; опред-ние ВС РФ № 56–КГПР19–7, 2019]. При этом судами ни разу не предпринималась попытка дать оценку поведению граждан, размер требований которых о компенсации морального вреда превышает всякие разумные пределы. Такие требования, в большинстве своем направленные на обогащение заявителя, должны были подлежать оценке с позиции недобросовестности последнего. О таких требованиях в науке гражданского права говорят как о безнравственных [Гражданское право, 2000, с. 373].

Требование о компенсации морального вреда не преследует цели восстановить имущественное положение потерпевшей стороны. Такая цель достигается за счет предъявления требования о возмещении вреда (деликтного требования). Более того, предъявление указанного требования далеко не всегда связано с нарушением имущественных прав гражданина или причинением вреда его личности. В требовании о компенсации морального вреда находит отражение идея социальной справедливости — сгладить нравственные и/или физические страдания гражданина (насколько это возможно, учитывая его психоэмоциональное состояние). И в этом смысле слово «сгладить» не означает, что суд должен возложить на правонарушителя имущественную обязанность, исполнение которой однозначно должно поправить материальное положение потерпевшего. Но, видимо, именно из такого восприятия назначения требования компенсации морального вреда исходит Верховный Суд РФ, когда заявляет, что «вопрос о разумности присуждаемой суммы должен решаться с учетом всех обстоятельств дела, в том числе значимости компенсации относительно обычного уровня жизни и общего уровня доходов граждан, в связи с чем исключается присуждение потерпевшему чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы» (абз. 3 п. 30 Постановления № 33). Это неправильно. Размер компенсации морального вреда должен быть незначительным, поскольку требование компенсации морального вреда не является самодостаточным.

Так, в случаях, когда имеет место нарушение личных нематериальных прав граждан вследствие посягательств на принадлежащие им нематериальные блага (честь, достоинство, деловую репутацию), требование компенсации морального вреда лишь дополняет

действенность других требований, которые всегда носят неимущественный характер (например, требование об опровержении сведений). В данном случае потерпевшая сторона желает восстановить свое доброе имя, а не обогатиться за счет правонарушителя.

В тех случаях, когда право на компенсацию морального вреда обусловлено наступлением иных обстоятельств, непосредственно не связанных с нарушением личных неимущественных прав (например, причинение вреда личности гражданина), требование компенсации морального вреда является производным от основного требования — требования о возмещении имущественного вреда, и заявляется в отношении причинителя вреда, который уже несет обязанность возмещения причиненного им вреда в полном объеме. Таким образом, при удовлетворении требования компенсации морального вреда причинитель не должен нести ответственность в объеме, существенно превышающим тот, который он уже «заслужил», что, в частности, исключает присуждение компенсации в размере, сопоставимом с размером возмещаемого вреда. Кроме того, производность требования компенсации морального вреда означает, что таковое может заявляться одновременно с требованием возмещения вреда, причиненного личности гражданина, либо после того, как последнее уже подлежало удовлетворению. Иными словами, требование о компенсации морального вреда не может заявляться вместо требования о возмещении вреда. К сожалению, сегодня суды охотно рассматривают требования компенсации морального вреда, размер которых в десятки, а то и в сотни раз превышает размер заявленных требований о возмещении причиненного имущественного вреда [Определение Восьм. кассационного суда общей юрисдикции № 88–4067/2021, 2021]. Более того, встречаются случаи, когда потерпевшая сторона в силу незначительности причиненного ей имущественного вреда отказывается в предъявлении деликтного требования в пользу требования компенсации морального вреда в надежде получить весомый размер такой компенсации. И как показывает практика у таких заявителей есть все шансы получить желаемое [Определение Шест. кассационного суда общей юрисдикции № 88–19021/2023, 2023; определение Восьм. кассационного суда общей юрисдикции № 88–11176/2021, 2021].

4. Судебная практика придерживается позиции, согласно которой моральный вред, причиненный в результате взаимодействия источников повышенной опасности (далее — ИПО) третьему лицу, в силу п. 3 ст. 1079 ГК РФ компенсируется солидарно владельцами ИПО (абз. 2 п. 21 Постановления № 33). На первый взгляд, в таком подходе нет противоречий: он полностью соответствует закону, поскольку вытекает из смысла соответствующей нормы, а именно п. 3 ст. 1079 ГК РФ, предусматривающего, что «владельцы источников повышенной опасности солидарно несут ответственность за вред, причиненный в результате взаимодействия этих источников (столкновения транспортных средств и т. п.) третьим лицам...». Данное нормативное положение основано на том, что причиненный третьему лицу вред является нераздельным, а соответственно, на стороне должника в деликтном обязательстве имеет место множественность лиц, несущих солидарную обязанность. В качестве таковых выступают владельцы ИПО. Учитывая, что при причинении вреда личности третьего лица в виде повреждения здоровья одновременно имеет место и посягательство на его здоровье как нематериальное благо, нетрудно заметить, что субъектный состав на стороне должника

в деликтном обязательстве и обязательстве по компенсации морального вреда совпадает — это будут все те же владельцы ИПО. При этом моральный вред (аналогично имущественному вреду) будет являться нераздельным, что и обуславливает характер обязанности содолжников при его компенсации — она является солидарной.

Правило о солидарной обязанности компенсировать моральный вред срабатывает и в случае, когда в результате взаимодействия ИПО третье лицо погибает. При этом для цели компенсации морального вреда, причиненного потерпевшему смертью кормильца, основанием для обращения с соответствующим требованием будет выступать нарушение одного из личных неимущественных прав, связанных с нематериальным благом — жизнью кормильца, а именно право потерпевшего на достойную жизнь.

Изложенное имеет важное значение: количественный состав содолжников (владельцев ИПО), характер долговой обязанности, личность кредитора в деликтном обязательстве проецируются исключительно на обязательство по компенсации морального вреда, возникшего в результате нарушения личного неимущественного права на достойную жизнь лица, понесшего ущерб в результате смерти кормильца. Соответственно, только по отношению к указанному лицу владельцы ИПО (результатом взаимодействия которых стала гибель кормильца) несут солидарную обязанность компенсировать моральный вред. Правоприменитель же пошел дальше и применил изложенный механизм взаимосвязи деликтного обязательства и обязательства по компенсации морального вреда на все случаи такой компенсации независимо от того, кто заявляет требование о компенсации морального вреда — лицо, понесшее ущерб в результате смерти кормильца, или иное лицо, связанное с погибшим узами брака, родства или свойства [Опред-ние ВС РФ № 13–КГ21–3–К2, 2021]. Полагаем, что такая практика не основана на законе.

Дело в том, что право требовать компенсацию морального вреда от владельцев ИПО производно от права на возмещение вреда, причиненного жизни гражданина взаимодействием ИПО. Соответственно, лицом, обладающим правом на компенсацию морального вреда, может быть только гражданин, которому был причинен вред в результате смерти кормильца. Круг таких граждан исчерпывающим образом определен в п. 1 ст. 1088 ГК РФ. Следовательно, все иные граждане, которые могли быть связаны с погибшим узами брака, родством или свойством, к этому кругу граждан отношения не имеют.

Вместе с тем, любое лицо, не относящееся к числу лиц, понесших вред в результате смерти кормильца, не лишено права требовать компенсации морального вреда, возникшего в связи со смертью близкого человека. Дело в том, что с жизнью гражданина как нематериальным благом связано не только право на достойную жизнь. К иным личным неимущественным правам, связанным с указанным нематериальным благом, можно отнести право на семейное благополучие, право на общение с родными и близкими и т. п. В зависимости от характера личного неимущественного права, связанного с жизнью (как нематериальным благом), можно точно определить обладателя этого права, который при его нарушении вправе заявить требование о компенсации морального вреда.

Таким образом, любое лицо, связанное с погибшим узами брака, родства или свойства и непопадающее в круг лиц, обозначенных в п. 1 ст. 1088 ГК РФ, имеет право требовать компенсацию морального вреда в судебном порядке, но не по основаниям,

предусмотренным гл. 59 ГК РФ (в частности, при наличии вреда, возникшего в результате взаимодействия ИПО), а по общему основанию ст. 151 ГК РФ — наличие действия, нарушающего личные неимущественные права гражданина. Это означает, что суд в подобных ситуациях (когда лицо погибает в результате взаимодействия ИПО) должен определить виновное лицо, чье поведение привело к нарушению личного неимущественного права. Да, согласимся с тем, что суд может установить вину всех владельцев ИПО, а значит, и обязанность компенсации морального вреда будет солидарной. Но в подобной ситуации солидарная обязанность компенсации морального вреда будет выступать не следствием того, что имеет место нераздельный имущественный вред, причиненный владельцами ИПО, а следствием того, что этими владельцами было нарушено личное неимущественное право гражданина в результате посягательства на принадлежащее ему нематериальное благо.

Заключение

В основе проведенного исследования лежит правовая аксиома о том, что отношения по компенсации морального вреда являются самостоятельными; их правовое регулирование осуществляется автономно от отношений, связанных с возмещением имущественного вреда. Вместе с тем мы не исключаем связь между механизмом компенсации морального вреда и механизмом возмещения имущественного вреда. Эта связь проявляется в возможности применения общих положений о возмещении вреда (§ 1 гл. 59 ГК РФ) к отношениям по компенсации морального вреда в субсидиарном порядке и лишь в тех случаях, когда в основе возникновения права на обращение в суд с требованием компенсации морального вреда лежит поведенческий акт, который стал причиной возникновения деликтного обязательства.

Список источников

- Губаева А. К., Ли Чж., Кратенко М. В. 2023. Базовый дискурс деликтного права в контексте разъяснений Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 60. С. 257–284.
- Соломин С. К., Соломина Н. Г. 2022. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк: монография. М.: Юстицинформ. 168 с.
- Соломин С. К., Соломина С. К. 2024. Гражданское право: внедоговорные обязательства: учебник. М.: Юстицинформ. 164 с.
- Соломин С. К., Соломина Н. Г. 2018. Гражданское право: отдельные виды договоров: учебник. М.: Юстицинформ. 380 с.
- Суханов Е. А. (отв. ред.) 2000. Гражданское право: учебник. Том 2. Полутом 2. М. 544 с.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс». <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2023 по делу № 88-25303/2023 // СПС «КонсультантПлюс». <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).

- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31.08.2023 № 88-19021/2023 // СПС «КонсультантПлюс». <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 дело № 88-11176/2021 // СПС «КонсультантПлюс». <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.04.2021 дело № 88-4067/2021 // СПС «КонсультантПлюс». <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.07.2021 № 13-КГ21-3-К2 // СПС «КонсультантПлюс». <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.07.2019 № 56-КГПР19-7 // СПС «КонсультантПлюс». <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2023 по делу № 88-17847/2023 // СПС «КонсультантПлюс». <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2023 по делу № 88-18964/2023 // СПС «КонсультантПлюс». <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).
- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.07.2021 № 13-КГ21-3-К2 // СПС «КонсультантПлюс». <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).

References

- Gubaeva, A. K., Li, Zh., & Kratenko, M. V. (2023). Basic discourse on tort law in the context of the Supreme Court's explanations on compensation for moral harm. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, (60), 257–284. [In Russian]
- Solomin, S. K., & Solomina, N. G. (2022). *Legal facts and other life circumstances: a civil law essay: monograph*. Justitsinform. [In Russian]
- Solomin, S. K., & Solomina, S. K. (2024). *Civil law: non-contractual obligations: textbook*. Justitsinform. [In Russian]
- Solomin, S. K., & Solomina, N. G. (2018). *Civil law: specific types of contracts: textbook*. Justitsinform. [In Russian]
- Sukhanov, E. A. (Ed.). (2000). *Civil law: textbook* (Vol. 2, part 2). [In Russian]
- Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33 of Nov. 15, 2022 “On the practice of application by courts of norms on compensation for moral damage”. *Legal Reference System “ConsultantPlus”*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://www.consultant.ru/> [In Russian]
- Decision of the Civil Judicial Collegium of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated Jul. 19, 2023 in case No. 88-25303/2023. *Legal Reference System “ConsultantPlus”*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://www.consultant.ru/> [In Russian]

Decision of the Civil Judicial Collegium of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated Aug. 31, 2023 No. 88-19021/2023. *Legal Reference System "ConsultantPlus"*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://www.consultant.ru/> [In Russian]

Decision of the Civil Judicial Collegium of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated Jul. 1, 2021 case No. 88-11176/2021. *Legal Reference System "ConsultantPlus"*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://www.consultant.ru/> [In Russian]

Decision of the Civil Judicial Collegium of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated Apr. 22, 2021 case No. 88-4067/2021. *Legal Reference System "ConsultantPlus"*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://www.consultant.ru/> [In Russian]

Decision of the Civil Judicial Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated Jul. 12, 2021 No. 13-KG21-3-K2. *Legal Reference System "ConsultantPlus"*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://www.consultant.ru/> [In Russian]

Decision of the Civil Judicial Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated Jul. 8, 2019 No. 56-KGPR19-7. *Legal Reference System "ConsultantPlus"*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://www.consultant.ru/> [In Russian]

Decision of the Civil Judicial Collegium of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated Jul. 19, 2023 in case No. 88-17847/2023. *Legal Reference System "ConsultantPlus"*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://www.consultant.ru/> [In Russian]

Decision of the Civil Judicial Collegium of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated Jul. 19, 2023 in case No. 88-18964/2023. *Legal Reference System "ConsultantPlus"*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://www.consultant.ru/> [In Russian]

Decision of the Civil Judicial Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated Jul. 12, 2021 No. 13-KG21-3-K2. *Legal Reference System "ConsultantPlus"*. Retrieved Apr. 15, 2024, from <https://www.consultant.ru/> [In Russian]

Информация об авторах

Сергей Константинович Соломин, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
s.k.solomin@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5825-1609>

Наталья Геннадьевна Соломина, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
n.g.solomina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3939-8680>

Information about the authors

Sergei K. Solomin, Dr. Jur. (Sci.), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Tyumen, Russia
s.k.solomin@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5825-1609>

Natalia G. Solomina, Dr. Jur. (Sci.), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Tyumen, Russia
n.g.solomina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3939-8680>